

Н. Г. ЛИСЕВИЧ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ (1914–1918 гг.)¹

В статье рассматриваются особенности повседневного быта населения северной провинции России – Печорского края в период Первой мировой войны. Проанализированы редкие мемуарные источники рядовых представителей крестьянской, торговой и рабочей среды. Их изучение позволяет представить социальную, экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся на периферии в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Печорский край, повседневность, мемуары, Первая мировая война.

Военная повседневность и восприятие военных событий современниками остаются малоисследованными в исторической науке. Тема рядового человека прежде считалась в историографии несерьезной, сегодня же признается несомненная польза обращения к его проблемам, поступкам, заботам, мыслям, чувствам, интересам, вещам, которые его окружали. О популярности данного направления говорит нарастающий поток статей и книг, связанных с историей повседневности и использующих массу разнообразных источников, в том числе дневники, воспоминания, письма. Введение в научный оборот новых документов дает исследователям возможность познать колорит эпохи и акцентировать внимание на новом ракурсе событий, происходивших на периферии.

В статье представлены воспоминания современников Большой войны, как ее иногда называли в Российской империи. Мемуары, дневники, письма не содержат описание событий на передовой, в них описана жизнь в тылу. Эти крайне редкие документы дают возможность понять, что ощущали обычные люди, как они воспринимали события, рассказы мобилизованных, оптимистические прогнозы официальной прессы.

Манифест Николая II о начале войны с Германией 1914 года был рассчитан объединить российский народ против неприятеля для скорейшей победы. В документе выражалась надежда (здесь и далее приводится с сохранением грамматики): «...Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты, внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да

---

¹ Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 12-П-6-1003.

отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага...». Однако, реакция военнообязанного населения на призыв, оказалась, в некоторых случаях, противоположной ожиданиям императора. Рядовые солдаты не стремились отправиться на войну.

Война усугубила сложившуюся политическую ситуацию в стране. Образовавшиеся общественно-политические партии, отличающиеся своими программами, в конечном итоге ставили целью либо ограничение власти самодержавия, либо окончательное свержение монархии.

Молодые рабочие, пришедшие из деревень в город за «лучшей жизнью», в большинстве своем малограмотные, становились сторонними наблюдателями происходивших перемен, связанных с развитием революционных процессов. В ГУ РК «Национальном архиве РК», в фонде Истпарта (Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии), сохранились воспоминания Федора Никифоровича Лесукова, активного профсоюзного лидера Архангельска. Ф.Н. Лесуков родился в 1890 г. в предместье Архангельска – Соломбале. Членом ВКП(б) стал в феврале 1917 г. Затем, в период до 1935 г., занимал различные номенклатурные должности в Архангельском союзе деревообработчиков, уездном союзе кооператоров г. Онеги, начальника архангельской милиции, управляющего райкомхоза ремстройконторы Архангельска. Воспоминания, написанные в 1925 г., охватывают период с 1901 по 1918 гг. В документе описывается работа Лесукова с 1901 г. в Ярославле, затем с 1904 г. в Архангельске на лесопильных заводах, первые забастовочные движения рабочих на заводах городов, рассказывается о профсоюзной поддержке бастующих. Политизированность мемуаров продиктована особенностями времени их создания. В подробностях отражены события 1917–1918 гг. – установление Советской власти на Печоре и в Архангельске, английской интервенции, многочисленные аресты Федора Никифоровича.

Накануне Первой Мировой войны в крупных промышленных городах России нарастало недовольство трудовых коллективов своим экономическим положением. Ситуация обострялась и внешней политикой России, втянутой в войну с Японией. По мемуарам видно, что Лесуков не политизирован, в первых забастовках в Ярославле не участвует, воздерживается от критики внутренней политики страны: «Я тогда мало и понимал в этом движении. Молод был и темен...». Будучи сам рядовым работником, он близко соприкасался с активными противниками существующего режима, неопытный молодой человек быстро поддался их влиянию. Федор стремится избежать ареста и не попасть на фронт. Называет себя коммунистом и объясняет нежелание идти на войну тем,

что партия была против войны, хотя и не ставила перед своими членами в обязательство отказ от военной службы.

Лесуков отправляется в отдаленный Печорский край: «... Подошел четырнадцатый год. Разразилась война с Германией... Пошли разговоры, толки о войне. Я тогда еще плохо разбирался во всем этом... оставался в тылу. Подпольная работа шла своим чередом. С ней вместе шли и аресты и ссылки. Некоторым товарищам пришлось скрываться. Часть их подалась на Печору... На Печоре в это время отбывал административную ссылку Н.Е. Сапрыгин, ныне редактор «Северного хозяйства». Там, на Печоре, еще в [1]903 году ими была организована артель по выработке точильных оселков, из песчаника. В Архангельске... и мне не безопасно стало... Пижма страшная глушь. Про такие места говорят обычно: «семь лет скачи – не доскачешь». Настоящий медвежий угол. И народ там лесной, темный, как непролазная чаща. Обмануть его ничего не стоит. Никого не видит, ничего не слышит... Повидавшись в Усть-Цильме и с Сапрыгиным, я двинулся к месту работы. Сначала плыл в лодке по реке Пижме, затем шел пешком, лесами... По каким-то таежным, неизвестным тропинкам вел меня уверенно мой проводник. За день сделали верст сорок, ночевали в лесу на мхах...».

Подробно описаны условия работы и повседневного быта в артели. Тяжелый ручной труд не пугал привыкшего к деревенской работе молодого человека. В любом случае это было лучше ссылки или жизни в окопах. События мировой войны не отразились в воспоминаниях Лесукова за 1914–1918 гг. Это время он провел вдали от военных потрясений, работая в артели. Работники не только разрабатывали оселок, кроме этого производились изыскания минеральных красок, серного колчедана, медной руды, каменного угля, асфальта, песчаника разных сортов, «годного для изготовления нежных и грубых оселков», графита. Артель обеспечивала себя всем необходимым – занимались охотой, рыболовством, поочередно дежурили на кухне. «Дежурный должен был готовить обед, печь хлебы, мыть белье, остальные занимались... разработкой песчаника...». Стараюсь избежать лишнего внимания, члены артели без надобности не появлялись в населенных местностях, «...когда истощались запасы муки, отправлялись пешком в ближайшую деревню за 80 верст...».

В начале войны производство приносило доход. К 1917 г. ситуация меняется, становится труднее реализовать товар, но и тогда члены артели надеются наладить продажи не только через потребительские общества в Москве и Архангельске, но и за границей. В воспоминаниях говорится о торговых экспедициях и попытках предпринимателей (Вышемирского, Бибикова) организовать производственную разработку точильного камня,

о коммерческих связях артели². Многие из этих инициатив по причине войны оказались невыгодными: «В начале войны одна московская фирма вела с артелью переговоры о поставке ей ежегодно до 10000 пудов плит, но затем из-за войны временно отказалась. Была также агентура в виде торговца Куренкова, он достаточно распространял наши изделия, но потом, видимо с войною, занялся другим более выгодным делом... Тогда... артель усилила распространение брусков через потребительские общества... Затем еще одна Петроградская фирма, с оборотным капиталом до шести миллионов рублей, дала нам заказ на 3000 рублей...».

Участие в революционных событиях Ф. Лесуковым описаны без особых эмоций. О периоде жизни и работы в артели, вдалеке от политических событий, он вспоминает с большим удовольствием. К активной политической жизни он возвращается в марте 1918 г., когда артель ликвидирована: «Жить уж стало трудно... Россия разорялась от войны, всякие промыслы падали. Наша артель волей-неволей должна была замереть. Летом этого [1917] года все члены нашей артели вышли с Тимана... я остался в лесу до зимы ждать, когда ушедшие раздобудут мне паспорт и вышлют... Никогда я так хорошо не жила, как в эту пору, ни раньше, ни позже. Несмотря на то, что я был совершенно один, я не испытывал скуки, одиночества. Мне было так хорошо... никогда, наверное, и не придется еще так пожить...».

Отдаленный от центральных регионов России Печорский край война напрямую не затрагивала. До обострения классовых столкновений и экономического кризиса, вызванного затянувшейся войной, жизнь оставалась размеренной и вполне спокойной. Военные события населением периферии воспринимались как явление абстрактное и не могущее повлиять на устоявшийся уклад их быта. Мелкие предприятия и кустарное производство, даже ощущая упадок торговли, пытались реализовать продукцию, заключали договора на поставки с крупными российскими фирмами, пытались наладить торговлю с иностранными. В 1918 г. Лесуков с удивлением вспоминает: «Шесть дней Россия жила без царя, а Устьцильма все еще ничего не знала...».

Об отдаленности Печорского региона от центральной России и неудовлетворительном развитии путей сообщения края накануне мировой войны подробно писал священник Андрей Попов. 8 мая 1913 года он, по окончании Вологодской духовной семинарии и после преподавания в Усть-Сысольском духовном училище, прибыл на место своего нового назначения в Щугорском Стефановском приходе Усть-Сысольского

---

² Иевлев, Плоскова, Астахова. 2011. С. 358-359.

уезда, в то время самом дальнем приходе Вологодской епархии на р. Печоре. В 1914 г. в Вологде была напечатана его брошюра «Печорский край, что в Усть-Сысольском уезде Вологодской епархии и его природные богатства». Как пишет автор, «я не мог остаться равнодушным зрителем неисчерпаемых богатств печерского края и решился познакомить с ним лиц, которые пожелают потрудиться на каком-нибудь служебном поприще в этом богатом уголке Вологодской губернии».

На страницах издания А. Попов не только отмечает основные богатства края: лес, нефть, изобилие лесной дичи, огромные рыбные запасы и проч., но и описывает быт, занятия и промыслы местного населения, дает характеристику путей сообщения, подробно описывает Щугорский приход: «Заехавшему... в первый раз в жизни... в печорский край... невольно приходят в голову печальные мысли: о значительном своем отдалении от губернского и уездных городов, ...о неведомом, холодном, суровом крае, о людях... среди которых придется жить... Все это, в связи с постоянно встречающимися в пути болотами, кочками, неширокой дорогой и высокими деревьями, наводит на душу гнетущую тоску...». На переправе через реку Сойва перевозчика «не оказалось, почему с установкой на паром лошадей и тарантаса, одному вознице пришлось поработать более часа и я, при сильном, холодном северном ветре, совсем продрог... В весеннее половодье... и осенью... езда через печорский волок бывает не только неприятна, но в холодную погоду рискованная для здоровья... холодная болотная вода попадает в тарантас...». Попов прибыл в Троицко-Печорский приход 4 мая 1913 г., остановился у церковного старосты, чтобы дожидаться первого в этом году (6 мая) почтово-пассажирского парохода из села Якши. В приход священник приехал крайне удачно: «если бы... приехал... позднее... должен был бы ждать... следующего парохода более 10 суток...».

А. Попов рассказывает, как из-за неразвитых путей сообщения и удаления населенных пунктов от пристаней осложнялась доставка почты: «Пассажирские пароходы... делающие рейсы по р. Печоре, когда позволяет глубина реки... на них развозится большая часть корреспонденции, посылок и денежных отправок для населения печорского края и в гор. Архангельск... но получка с этих пароходов... крайне неудобна и затруднена. А иногда почти невозможна... Главное неудобство и трудность получения посланного... заключается в краткосрочной остановке пароходов на пристанях, особенно ночью, рано утром и поздно вечером... с большим трудом и поспешностью едва успели на этот пароход служащие... которые проживают менее, чем в ½ версте от пристани...». Из-за сезонного мелководья Печоры, пишет служитель, пароходы не укладывались в

маршрут и расписание. Опасность и неудобства передвижения по Печорскому краю приводили к нежеланию государственных чиновников добросовестно заниматься вопросами формирования действующей армии и вести качественный учет военнообязанных³. Труднодоступность региона привлекала тех, кто не хотел быть призванным на военную службу. Отход для работы на периферию позволял переждать беспокойное время пусть и в не комфортных, но более безопасных условиях.

Мужчины, не обремененные семейными заботами о детях, при поддержке товарищей, могли надолго уходить в труднодоступные местности. Воспоминания женщин времени этого периода связаны, в первую очередь, с проблемами выживания в условиях военной экономики. В Научном архиве Коми научного центра УрО РАН, в фонде Котелиной Нины Степановны отложилась переписка ее родственника Попова Алексея Викторовича с односельчанами об истории села Оквад Усть-Вымского района Коми АССР.

Одним из адресатов Алексея Викторовича была его односельчанка и однофамилица Мария Александровна Попова. В письмах конца 1960-х гг. она вспоминает своего брата Афанасия Александровича Попова, работавшего на кожевенном заводе в Окваде, призванного на империалистическую войну в 1914 г., а затем на Гражданскую войну. Кроме создания первых партийных ячеек, Мария описывает быт их семьи в военный период 1914–1918 гг., свои личные переживания. Жизнь молодой девушки представлена через призму прожитых лет, ее восприятие событий отличается от мужского видения происходящего. В письмах она объясняет, что в школе не училась, извиняется, что плохо пишет. Малограмотность автора отразилась в особенности стиля написания воспоминаний, что в некоторых случаях не позволяет передать содержание письма дословно.

В письмах отражены события 50-летней давности, но воспоминания о пережитом очень свежи в памяти Марии Александровны. О своем брате женщина сообщает, что на кожевенный завод Афанасий пошел работать в 14 лет, в 1906 г.⁴ На заводе он работал до «германской вой-

---

³ Иванов. 2009. С. 66.

⁴ В начале XX века в дореволюционной России кожевенные заводы представляли собою мелкие и плохо технически обставленные заведения. Санитарные условия были близки к «первобытным». В большинстве случаев на заводе работало три-пять человек. Обработывали замшу при помощи извести, золы и ворвани. С оленьей шкуры ножом сбривали шерсть, затем шкуры выдерживали в жидком известковом растворе и выскабывали ножами. Очищенная шкура пропитывалась ворванью, мялась в особой мялке. Процесс повторялся, пока замша не приобретала необходимую мягкость. После этого ее сушили, промывали горячим щелоком, выветривали и окончательно высушивали. См.: *Жилинский*. 1919. С. 236.

ны», на войне был ранен в легкое, после лечения вернулся рабочим на завод. Оплата за тяжелую и опасную работу была слишком мала, чтобы безбедно существовать. Мария Александровна вспоминает, что «в конце месяца напоят и вся цена работы». Вскоре Афанасий попал на гражданскую войну. После очередного ранения вернулся домой в декабре 1918 г. Жила семья очень бедно, «хлеба не хватало до Рождества». Располагались в маленьком, холодном доме с маленькими окошками. Поддерживать хозяйство было некому, отец Марии умер в 1896 г. Мать осталась с пятью малолетними детьми. В сумерках в доме горела лучина. Дети «носили на семейство одну пару валенок, а между домами босиком бегали». Из-за нехватки дров баню топили редко, из дома «босиком бегали в баню... Спали на снопе соломы, постеленной на пол, одеял не было...». Во время сна плотнее прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Бесправие своего женского положения, Мария ощутила очень рано. Она пишет, что замуж ее выдали в 15 лет, «а жениху было 63». Такая разница в возрасте пугала невесту и замуж она выходить отказывалась. Тогда ее «связывали и так били»: скорее всего, молодую девушку хотели запугать и заставляли заключить брак со стариком. Семья вынуждена была пойти на подобный шаг, положение в семье было крайне нищенское. Приданого за невестой дать не могли, поэтому выдавали за того, кто согласился жениться, чтобы хоть как-то сократить нужду в семье. Два раза она убегала от мужа, ее возвращали. В итоге ей удалось сбежать и скрываться: «Жила [в] бане, жила у коровы, [в] недостроенном доме. Он [муж] меня все хотел убить. Тогда, если муж убьет жену, суд не судил». Мария с благодарностью вспоминает односельчан, помогавших семье справиться с голодом: «Пойдешь бывало просить милостыню, никто не даст половину хлеба, а все давали по 3 ярушника...».

События мировой войны отразились на жизни М.А. Поповой косвенно. В письме передан дух времени провинциальной деревни. Такие редкие воспоминания ценны своей непосредственностью, показывая нам жизнь «рядовых обывателей». Несмотря на отдаленность от непосредственного участия, чувствуется, что военные события отражаются на укладе жизни и мировоззрении простого деревенского населения.

В фонде Истпарта Национального архива РК сохранился уникальный документ – дневник политического ссыльного Николая Ивановича Зыкова⁵, в котором отражен период жизни в селе Мохча Печорского уезда (1917–1918 гг.). Из записей видно, что война представляется жителям «глухого края» как событие, напрямую их не касающееся:

---

⁵ Букина, Кызьюров, Лисевич. 2007.

«...Интересное явление: думал я, что война родит массу хулиганов и здесь, что придется бежать отсюда. Ничего подобного! Зыряне все те же... какими были и до войны. Не подумать ли покрепче, прежде чем решать отъезд отсюда: если разруха кончится, здесь будет совсем неплохо во многих отношениях... Не шутя намерен после войны... серьезно стать крестьянином. Хорошее оружие, сети, порядочное обзаведение по крестьянству и две-три работающих помощницы. Вот и все...».

Последствия разорения страны затянувшейся войной дошли до Мохчи, достаток семьи Зыкова оставлял желать лучшего: «Только бы с... долгом развязаться... Я теперь почти разорился... Не просто хочется жить, а надеюсь, что буду жить, переживу эту разруху и посмотрю, что будет дальше... Война! Долго ли еще будешь ты терзать весь мир и меня в том числе? ...все жду лучшего с 1915 года, а дела идут все хуже да хуже...». Материальное положение требовало жесткой экономии семейного бюджета: «Сотни раз просил... чтобы поменьше валила дров в нижнюю печь. И все напрасно. Бывают дни, когда... сожжет 12, а то и больше полен. Одним словом, на дрова выкатываем в месяц рублей 40, а то и больше. ...Но торговля кончена, проданы остатки кофе... Неужели не пора подумать о том, чтобы хоть подольше не съесть всего, без остатка? Сегодня навалила она 11 полен. Я предложил убрать хоть два-три. ...Затопила печку, как будто я ничего и не говорил. Начал я убавлять дров...».

Развивающийся в стране экономический и политический кризис привел к обострению противостояния между крестьянским и торговым населением в такой отдаленной провинции как Печорский край. Образованный Н.И. Зыков понимал всю опасность подобных противоречий и надеялся, что в дальнейшем войн таких масштабов можно будет избежать: «До сих пор проклинал я одиннадцать лет, проведенных на школьной скамье. Для торгаша эти годы, конечно, утрата. Не нужны за прилавком развитие и способность мыслить "о вещах высоких". Но не будь я до 18 лет интеллигентом, не будь я им, в душе, и теперь, какою свиньей был бы я после той встрепки, которую дала мне жизнь с 1907 года! Теперь книга – лучший друг человека – спасет ...душу. Да здравствует культура!... Взял "Ниву" и долго лежал на кровати, читая рассказ из современной войны. А мысль работала над... возможностью мирного сожительства народов... я пытаюсь верить, что эта война пробудит хорошие зачатки в человечестве... Неужели и после того, как положили в землю, минимум 12 миллионов людей, не попробуют люди приняться за корни, порождающие эти столкновения? Маленькие сопоставления: в Мохче сеной кризис, но стоило с осени определить под убой десять лишних скотин... и никакого кризиса не было бы. Не то ли же и в жизни

государства?... Прежде я не верил, что возможно перерождение человечества. Но улучшите воспитание, выбросьте из школ военную галиматью, вроде “Тараса Бульбы”, вырастите поколение, не умеющее действовать иначе, как по велению чистого разума, и войны будут немислимы. ...Ужас берет, когда подумаешь, как хорошо могли бы жить люди, и как скверно они живут...».

Мемуарные источники – воспоминания, дневники, письма рядовых современников (мелких торговцев, рабочих, крестьян) являются основными источниками, отражающими особенности бытовой истории в провинции в период Первой мировой войны. Ценность таких редких документов сложно преувеличить, учитывая то, что традиция написания воспоминаний в малообразованной крестьянской и зарождающейся рабочей среде россиян в исследованный период отсутствовала.

Из представленных нами документов видно, что Печорский край в условиях военного времени стал глубоким тылом России. Отдаленность региона от «театра» военных действий, абстрактное восприятие войны, вера в быструю победу приводили к попыткам развивать кустарное и промышленное производство, коммерческую деятельность, экспедиционные исследования. На периферии, в отдаленной провинции население начало ощущать тяготы военного положения в стране примерно к середине 1917 года, ухудшающаяся экономическая ситуация, обостряющееся народное волнение приводили к политизации общественности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Букина И.В., Л.А. Кызыоров, Н.Г. Лисевич.* «В августе немного сочувствовал я Корнилову с его железной дисциплиной, теперь я – большевик». Из дневника первого председателя совета крестьянских депутатов с. Мохча Печорского уезда Н.И. Зыкова. 1918 г. // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 91-118.
- Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния (Ледовый океан и Белое море. Мурман. Лапландия. Карелия. Поморье. Кемь. Онега. Северная Двина. Архангельск. Холмогоры. Пинега. Шенкурск. Мезень. Канин. Печора. Новая Земля. Карское море) / Предисловие С.Л. Маневича. Петроград, 1919.
- Иванов Ф.Н.* Роль местных органов самоуправления в подготовке и проведении рекрутских наборов // Местное самоуправление как ресурс развития территории: Взгляд из Яренска: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 2009.
- Невлев А.А., Плоскова С.И., Астахова И.С.* Горные промыслы XV – начала XX вв. // Атлас Республики Коми. М., 2011. С. 358-359.

Лисевич Нина Григорьевна, главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН; lisevich@presidium.komisc.ru.